конца XV в. из Троицкого собрания. 30 Последние изображают символы месяцев и выполнены пером с легкими затенениями чернилами, каждая фигура вписана в тонкую киноварную рамку в форме круга. Изменение техники книжной иллюстрации можно видеть не только на примере указанных первоклассных памятников, оно ощутимо и в работах провинциальных миниатюристов.³¹

Вызванные широким распространением бумаги, заменившей пергамен, и острой потребностью русского общества в литературе, новые принципы книжного оформления соответствовали приемам, используемым в древнерусской станковой живописи времени Дионисия. 32

Рассматриваемый сборник из бывшего собрания Н. П. Лихачева входит в группу перечисленных выше лицевых рукописей.³³ В иллюстрациях «Хождения Иоанна Богослова» и «Жития Бориса и Глеба», выполненных пером и легко затонированных акварелью с редким применением белил, использованы достижения художников круга Дионисия. Принадлежность миниатюристов (их, вероятно, было два) к московской живописной школе несомненна. Возможно, сам сборник был выполнен в Москве в последнее десятилетие XV в. 34 Появление столь обширного цикла иллюстраций «Хождения» (103 миниатюры) было вызвано теми же причинами, что и создание житийной иконы из Дмитрова. Видимо, в Москве конца XV в. было много лицевых списков «Хождения». Все они в своей основе имели оригинал, изготовленный при великокняжеском или митрополичьем дворе. Одним из таких списков пользовался автор житийной иконы из Борисоглебского монастыря.

Сохранившийся экземпляр лицевого «Хождения», входящий в состав сборника из собрания Н. П. Лихачева, также является копией. Об этом говорят некоторые признаки. Оригинал, которым пользовался переписчик, был написан более крупным шрифтом, и, чтобы сохранить правильное соотношение между текстом и миниатюрами, ему приходилось делать частые пропуски, иногда очень значительные, а в одном случае оставить незаполненной целую страницу на обороте л. 33 (при этом не наблюдается пропусков текста). Миниатюры, особенно выполненные первым мастером, в начале рукописи, имеют характерные признаки копирования. Отдельные позы и жесты фигур, многие здания остались непонятными иллюстраторам.

Работая над иконой, художник, естественно, не мог воспроизвести все миниатюры рукописи и, по желанию заказчика или по своей инициативе, производил тщательный отбор иллюстрируемого текста. Чтобы понять принципы, положенные в основу этого отбора, необходимо остановиться на содержании клейм дмитровской иконы.³⁵

33 Близость миниатюр сборника к иллюстрациям Радзивиловской летописи отмечал А. И. Некрасов (в кн.: А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное

тюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. Изд. «Наука», М., 1965, стр. 49—101.

30 ГБЛ, ф. 304, № 177; см.: Н. С. Тихонравов. Памятники отреченной литературы, т. II. М., 1863, стр. 398—421; Записки, стр. 105.

31 См. миниатюры Толковой Палеи 1477 г. (ГИМ, Синод. 210), Угличской псалтыри 1485 г. (ГПБ, F, I, № 194), Октоиха конца XV в. (ГБЛ, ф. 304, № 444; Записки, стр. 309, рис. 209) и др.

32 В. Н. Лазарев. Дионисий и его школа, стр. 508—509, 517 и 529.

искусство, стр. 270).

³⁴ М. В. Шепкина и А. И. Рогов по палеографическим признакам датируют сборник концом XV в. В XVII в. сборник находился в Москве; см.: Житие..., стр. 25. 35 Клейма читаются слева направо по ярусам, начиная с верхнего.